

СОСТОЯНИЕ РАЗРАБОТКИ И ЗАДАЧИ ДАЛЬНЕЙШЕГО ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА О ДИАЛЕКТНОЙ ОСНОВЕ РУССКОГО ОБЩЕНАРОДНОГО ЯЗЫКА*

Разработка вопроса о диалектной основе русского общенародного (а также литературного) языка имеет большую давность в науке о русском языке. Исследователи раннего периода, начиная с XVIII в., в каком бы аспекте — историческом или нормативном — ни рассматривали процесс образования национального русского языка, находившего свое выражение как в литературно-письменной, так и в устно-разговорной речи, единодушно сходились на том, что общерусский (великорусский) язык формировался на базе говоров территории, окружающей Москву, и самой Москвы как центра государства. Уже ранние исследователи отчетливо представляли себе также, что наш общенародный разговорный язык соединяет черты говоров северновеликорусского и южновеликорусского наречий. Достаточно сослаться на Ломоносова и Даля как на типичных представителей этого мнения.

Развернувшиеся со второй половины XIX в. работы по описательной и исторической диалектологии, основанные на огромном материале, собранном несколькими поколениями диалектологов (вплоть до нашего времени), не поколебали исходных установок ранних исследователей, хотя в ряде положений существенно развили и дополнили их.

Выводы из диалектологических и историко-языковых исследований о диалектной основе общерусского (великорусского) языка сводятся к следующему. В процессе формирования великорусской народности на территории Ростово-Суздальской земли как исходной первоначальной базе, в полосе Москвы, растущем центре великорусской государственности, в результате взаимодействия говоров северновеликорусских (восходящих к говорам словен-кривичей) и говоров южновеликорусских (в основном восходящих к говорам вятичей) складываются говоры переходные, или средневеликорусские. В отношении согласных звуков эти говоры имеют ряд характерных особенностей северновеликорусского происхождения, а в отношении гласных — ряд особенностей, в частности систему безударных гласных, южновеликорусского происхождения. При этом средневеликорусские говоры представляют не простое соединение черт строя тех и других говоров, а новую по своему качеству своеобразную языковую систему.

Средневеликорусские говоры, окружающие Москву, стали говорами центра русского государства. Следует еще иметь в виду, что говор Москвы, получив закрепление в деловой письменности, оказывал в дальнейшем большое влияние на язык письменности других областных центров. Эти предпосылки сыграли решающую роль в том, что общенародный русский язык оформился именно на базе говоров Москвы и окружающих ее терри-

* Настоящая статья подготовлена Комиссией по изучению диалектной основы русского литературного языка при Бюро Отделения литературы и языка АН СССР.

торий. Это положение с теми или иными вариантами всегда являлось общепризнанным в нашей науке. Непосредственно воспринимаемая близость фонетического и грамматического строя народных говоров, окружающих Москву, к общенародному устно-разговорному языку не давала основания для пересмотра этих положений.

Отметим также, что указанный вывод согласуется и с теми положениями исторической науки, согласно которым совершавшийся уже в XVII в. процесс развития русской (великорусской) народности в нацию, связанный с образованием всероссийского рынка, развитием обмена между областями, ростом товарного обращения и территориальным разделением труда, центром своим всегда имел Москву и прилегающие к ней области, как северновеликорусские, так и южновеликорусские по своей диалектной принадлежности. Эти обстоятельства и создали необходимые предпосылки для тесного взаимодействия двух наиболее резко различающихся диалектных сфер русского языка именно в полосе Москвы.

Таким образом, выдвинутое И. В. Сталиным в 1950 г. положение о том, что в основу русского национального языка лег курско-орловский диалект, находилось в противоречии со сложившейся трактовкой вопроса и притом не сопровождалось обосновывающими его аргументами или ссылками на источники научно-исследовательского характера.

Не являлись значительными в научном отношении и также не были основаны на привлечении и исследовании новых материалов и те работы (преимущественно принадлежащие перу историков), которые посвящались разработке гипотезы о курско-орловском диалекте как основе русского национального языка (обычно фактически всегда имелась в виду его общенародная форма).

Такова, например, статья историка И. М. Ионенко¹, уже получившая оценку в печати². И. М. Ионенко исходит в своей статье из представления о том, что уже в XII в. курско-орловский диалект существовал как основа языка великорусской народности (наличие которой в это время допустить невозможно). Оставляя за Москвой роль центра, вокруг которого собиралась и объединялась Русь, И. М. Ионенко считает, что лаборатория языка Московского государства находилась к югу от Москвы, т. е. в отрыве от населения его центральных территорий, что вообще трудно себе представить.

Б. А. Рыбаков обосновывал гипотезу И. В. Сталина указанием на то, что главные диалекты русского и украинского языков (курско-орловский и полтавско-киевский) территориально совпадают с древней Русью VI—VII вв., считая возможным тем самым установить непосредственную преемственную связь между диалектами глубокой доисторической поры и теми диалектами, которые сформировались к национальному периоду³. Тем самым Б. А. Рыбаков игнорирует присущие этому периоду закономерности. С точки зрения языковедческой такой подход является совершенно неправомерным.

Г. И. Зиксев сохраняет общепринятое у историков представление о ведущей роли Москвы в формировании основных признаков русской нации, но считает при этом, что московский говор стал основой русского литературного языка и письменности, а основой русского национального

¹ И. М. Ионенко, Об исторических условиях превращения курско-орловского диалекта в основу русского национального языка, ВИ, 1952, № 7.

² Р. И. Аванесов, К вопросам образования русского национального языка, ВЯ, 1953, № 2. Необходимо отметить также колебания самого Р. И. Аванесова в решении вопроса о диалектной базе национального русского языка.

³ Б. А. Рыбаков, Проблема образования древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина, ВИ, 1952, № 9.

языка стал курско-орловский диалект¹. С лингвистической точки зрения подобное противопоставление остается совершенно непонятным; автор его не обосновывает.

В статьях лингвистов (если не считать те статьи, авторы которых ограничивались цитированием высказывания о курско-орловском диалекте) намечается определенно выраженная тенденция заменить представление о роли курско-орловского диалекта представлением о роли в образовании общенародного языка южновеликорусского наречия в целом. Значение тех наиболее распространенных южновеликорусских черт, которые характерны для всех подгрупп этого наречия, не отрицалось и раньше; при анализе данных, относящихся к средневеликорусским говорам, всегда отмечали представленный в них южновеликорусский элемент.

Признание роли южновеликорусских говоров в формировании русского общенародного языка само по себе никогда не означало и не может означать, что эти говоры, а тем более какая-то одна из групп этих говоров, явились основой национального русского языка. По отношению к южновеликорусскому вкладу в общенародный язык оставался ряд неясных моментов, например по вопросу о том, в каком смысле и с какого времени можно говорить о влиянии южновеликорусского наречия как об основном и, может быть, нарастающем в русском общенародном разговорном, а затем и в национальном литературном языке. Весьма важным и до сего времени не разработанным является и вопрос о соотношении южновеликорусского и северновеликорусского элементов в таких наименее изученных с этой точки зрения сторонах языка, как словообразование и лексика, а во многом и в области морфологии.

Наличие ряда неясных вопросов, возникших после опубликования работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», указывает, что проблема диалектной основы русского общенародного языка требует в настоящее время углубленной разработки источников в следующих направлениях.

1. Проводимое современными методами детальное изучение говоров русского языка, которое дало бы основу как для определения состава групп в пределах каждого из наречий русского языка, так и для широкого сравнительно-исторического изучения северновеликорусского и южновеликорусского наречий в целом. Наибольшую роль здесь должно сыграть: а) составление атласов русских народных говоров; б) составление словарей основных групп говоров русского языка и сводного словаря диалектной лексики; в) дальнейшее монографическое изучение ряда средневеликорусских говоров с целью выяснения типичных соотношений элементов южновеликорусского и северновеликорусского происхождения в этих говорах.

2. Дальнейшее изучение и систематизация данных, характеризующих отражение живого произношения в памятниках письменности (особенно относящихся к начальному периоду образования национального языка, т. е. к XVI, XVII и началу XVIII в.).

3. Изучение устно-разговорного языка Москвы и Подмосковья, а также и более широкое изучение устно-разговорной речи лиц, говорящих на литературном языке, для определения характера развития современных орфоэпических норм.

Остановимся на характеристике того состояния, в котором находится разработка указанных вопросов, и тех перспектив, которые здесь могут быть намечены.

¹ Г. И. Зикеев, К вопросу об исторических условиях развития русского национального языка на основе курско-орловского диалекта, ВП, 1953, № 2.

I. В настоящее время вышел в свет «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» (М., 1957), а также закончено составление карт «Атласа русских народных говоров центральных областей к западу от Москвы» и «Атласа русских народных говоров юго-западных областей». Карты этих атласов дают возможность представить себе характерные особенности западной части территории, занимаемой южновеликорусским наречием, т. е. той, в состав которой входят и говоры курско-орловской группы. Говоры восточной части в настоящее время подвергаются обследованию, и потому весьма важными данными о говорах рязанской группы мы располагаем еще не в полной мере.

В стадии собирания материала находится в основном также подготовка атласов по говорам северновеликорусского наречия. Картографирован лишь материал по говорам северо-запада (вокруг Пскова и Новгорода) в «Атласе русских народных говоров северо-западных областей», а также по говорам вокруг Владимира (в «Атласе центральных областей к востоку от Москвы»).

Давные средневеликорусских говоров представлены на картах двух атласов — центральных областей к востоку и к западу от Москвы.

В отношении южновеликорусского наречия прежде всего следует отметить, что границы языковых явлений на территории его западной части, особенно в области фонетики и морфологии, отличаются большой определенностью, четкостью и выделяют значительные пространства, занятые теми или иными явлениями, причем оказывается, что территории распространения многих языковых явлений приблизительно совпадают.

Кроме того, карты показывают, что черты сходства между отдельными группами южновеликорусского наречия имеют определяющее значение и превалируют над имеющимися различиями, в связи с чем южновеликорусское наречие предстает перед нами как определенное единство. Все эти данные колеблют существующее до последнего времени в нашей науке представление о южновеликорусском наречии как весьма пестром и неоднородном по своему составу и о южновеликорусском населении как позднем по своему формированию, распадающемся на ряд групп, лишенных единства.

Говоры орловской (курско-орловской) группы, разделяя основные наиболее существенные черты окружающих южновеликорусских говоров, выделяются среди них некоторыми особенностями. Одни из этих особенностей за пределами курско-орловских говоров не имеют столь последовательного распространения. Это такие черты, как, например, утрата затвора в аффрикатах (*шай*, *к'риса* вместо *чай*, *к'рица*), произношение *a* вместо *и* в случаях типа *брóсая*, *выляя* и др.

На территории этих же говоров имеются очаги, в которых сохраняются в наиболее архаическом виде некоторые явления, уже утраченные говорами, ранее испытавшими влияние общенародного языка (древние типы диссимильативного аканья, яканья, произношение *ê*, *ô* и под.).

Развитие узко местных особенностей, а отчасти и сохранение архаических черт может свидетельствовать о том, что носителями курско-орловских говоров приходилось переживать периоды относительно обособленного существования. Исторические данные делают это предположение также вполне допустимым.

В курско-орловских говорах не находим черт, которые указывали бы на их большую близость к литературному языку по сравнению с другими группами южновеликорусского наречия, среди которых они скорее даже выделяются своеобразными местными особенностями.

Взятые в совокупности, данные атласов, относящиеся к южновеликорусским говорам, являются материалом для пересмотра традиционной

трактовки процесса образования южновеликорусского наречия и его территории, согласно которой весь юг России, начиная с Орловской губернии, в XIV—XV вв. был совершенно пустынным. По мнению историков, это являлось результатом резкого и почти полного отлива населения после татарско-монгольских погромов.

Заселение данной территории объясняли позднейшей колонизацией из Рязанской земли, районов южного Подмосковья, из западных областей, а также с Украины, причем предполагали, что первыми поселенцами явились те самые степняки, которые перед этим искали спасения в лесной полосе. Старое степное население, согласно изложенной точке зрения, явилось лишь первой волной колонизации. Последующие волны были уже инодиалектными. Таким образом, утверждалось, что в пределах южновеликорусской территории древняя преемственность языкового развития была нарушена, и южновеликорусское наречие представляло перед нами как образование сравнительно недавнего времени, лишенное глубоких исторических корней. В своем крайнем выражении подобная точка зрения приводила к отрицанию какого бы то ни было единства южновеликорусских говоров.

Составленные карты атласов, а также некоторые монографические исследования ясно показывают, что география важнейших языковых особенностей, которую мы здесь находим, не могла сложиться в короткий срок заселения курско-орловской земли волнами поздней колонизации. Составленные карты атласов должны стать объектом пристального изучения при дальнейшей разработке данного вопроса.

Карты «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» дают материал и для характеристики средневеликорусских говоров, окружающих Москву, исследованию которых за последнее время также был посвящен ряд монографий историко-диалектологического характера. Поскольку эти говоры ближе других к устно-разговорной форме общенародного языка, складывавшейся на протяжении XVII—XVIII вв., большой интерес представляет вопрос о том, каков удельный вес южновеликорусского и северновеликорусского вклада в различных группах этих говоров. Проведенное исследование материала и его картографирование показали неправомочность точки зрения, согласно которой все эти говоры имеют северновеликорусскую основу и южновеликорусское наложение, так как в ряде подобных говоров наблюдаются отношения обратного порядка, на что справедливо указывал в свое время Р. И. Аванесов, выступавший против традиционной трактовки образования средневеликорусских говоров¹. (Ср. также точку зрения проф. А. М. Селищева)².

При изучении средневеликорусских говоров необходимо определять, к каким группам южновеликорусского наречия наиболее близки отдельные группы средневеликорусских говоров.

II. В решении вопроса о диалектной основе общенародного русского языка большое значение имеют данные словарного состава и его истории. Чтобы ответить на вопрос, какой из местных диалектов играл преимущественную роль в образовании словаря общенародного русского языка, необходимо осветить целый ряд проблем исторической лексикологии. Прежде всего нужно установить, чем отличались друг от друга по словарю местные диалекты эпохи становления национального языка, какие слова выходили из употребления в результате вытеснения их однозначными

¹ Р. И. А в а н е с о в, К истории средневеликорусских говоров, «Докл. и сообщ. филол. факта МГУ», вып. 1, 1946.

² «Элементы московской речи XIV—XVI вв., — писал А. М. Селищев, — необходимо рассматривать в связи с элементами русских говоров соседних областей и ближе всего Рязанского края» (А. М. С е л и щ е в, Критические заметки по истории русского языка, «Уч. зап. МГПИ», т. V, Кафедра русского языка, вып. 1, 1941, стр. 178.

словами ведущего местного диалекта, какие слова, наоборот, из диалектных превращались в общенациональные и какому диалекту (или диалектам) эти слова принадлежали. Современное состояние исторической лексикологии русского языка не позволяет ответить на эти и другие не менее важные вопросы.

Изучение лексики местных русских диалектов всегда отставало от изучения фонетико-грамматических диалектных явлений. Нам известны (особенно в результате работы над диалектологическим атласом русского языка) некоторые словарные особенности местных диалектов, однако эти сведения касаются лишь немногих слов. Основная масса диалектной лексики не подвергалась сравнительно-историческому изучению. Мы еще не имеем даже словарей большинства говоров. Особенно плохо обстоит дело со словарями южновеликорусских говоров. Имющиеся словари Е. Ф. Будде, В. Резанова, А. И. Сахарова, А. Никольского, П. Н. Тиханова, А. В. Миртова и др., как и печатающийся словарь курско-орловских говоров С. М. Кардашевского, по своему составу в значительной мере случайны, выполнены далеко не на одинаковом научном уровне и не позволяют делать какие-либо обоснованные обобщения. Что же касается особенностей лексики русских диалектов более ранних времен (например, XVII в.), то они нам пока что почти вовсе не известны.

На основании имеющихся в современной науке данных можно сделать лишь самые предварительные обобщения. В словарный состав русского национального языка вошли (вероятно, в одинаковой мере) как северновеликорусские, так и южновеликорусские словарные диалектизмы. Можно полагать, что такие слова современного литературного языка, как *квашня*, *повытчик* (исторический термин), *бороновать* и некоторые другие, являются по происхождению северновеликорусскими. Слова *пахать* (с производными *пахня*, *пахота* и т. п.), *пложой*, *ружье*, *хата*, *лачуга* и др. — южновеликорусские по происхождению. Впрочем, это предположение еще нуждается в каждом отдельном случае в специальном обосновании.

Если можно в какой-то мере гипотетически предполагать преимущественное воздействие какой-то группы диалектов на словарный состав складывавшегося в XVII—XIX вв. русского национального языка, то речь может идти только о южновеликорусском наречии в целом. В XVII—XVIII вв. в лексике русского языка происходят процессы, которые можно истолковать как вытеснение из сферы письменности северновеликорусских словарных элементов. Так, например, в XVII—XVIII вв. еще употреблялись в книжной речи без заметной стилистической окраски такие явно северновеликорусские слова, как *баса* (наряд, краса и др.), *баской* (красивый, красный, цветистый и пр.), *векша* (белка, переносно — блок для подъема тяжестей; это слово приводится как обычное для литературного языка даже в «Русской грамматике» А. Ф. Востокова), *вить* (участок земли, податная единица и пр.), *живёт* (бывает, существует), *гораздо*, *гораз* (очень) и ряд других слов. Что же касается курско-орловского диалекта (точнее, курско-орловской группы говоров), являющегося составной частью южновеликорусского наречия, то данные лексики (правда, как указывалось выше, еще скудные и неудовлетворительные) ни в какой мере не позволяют утверждать, что именно этот диалект лег в основу русского национального языка. Мы еще не знаем, чем курско-орловские говоры в своем словарном составе отличаются от других южновеликорусских говоров (для того чтобы это установить, нужны разработанные на должном научном уровне областные словари южновеликорусских говоров и соответствующие сравнительно-исторические исследования). Специфическая лексика курско-орловских говоров XVII—XVIII вв. нам вовсе не известна. Современные курско-орловские говоры, насколько они

нами изучены, по своему словарному составу нисколько не ближе к национальному языку, чем любые другие говоры русского языка.

Обсуждать проблему диалектной основы русского национального языка по данным лексики вообще пока преждевременно. Нужно сначала провести соответствующие исследования. Особенно важно развернуть работу по составлению местных областных словарей и сводного областного словаря русского языка.

III. Процесс образования национального разговорного языка неотделим от процессов развития письменно-литературного языка. Литературно-языковые традиции юга, Киевской Руси не прервались в древнерусском литературном языке и в период формирования великорусской народности. Литература и письменность Северо-Восточной Руси долгое время питались наследием языковой культуры древнерусской народности. Особенно сильно сказывалась связь с литературным языком Киевской Руси в развитии книжно-славянского типа русского письменно-литературного языка (ср., например, язык житийной и религиозно-дидактической литературы Северной Руси и т. п.). Однако новое этнографическое окружение, народно-диалектные волны, влиявшие на разговорную речь Ростова, Суздаля, Владимира и особенно Москвы, не могли не изменить норм — произносительных, грамматических и лексико-фразеологических — русского литературного языка, по крайней мере того его типа, который можно назвать литературно обработанным народным типом и который был тесно связан в своем развитии с живой народно-разговорной речью и со стилями устного народно-поэтического творчества. Воздействие московского государственного языка распространялось и на письменную речь других феодальных княжеств, присоединившихся к Москве и влившихся в состав Московского государства. Само собой разумеется, что обработанный народный тип литературного языка в своем развитии на протяжении XIV—XVII вв. отражал, хотя и в своеобразной форме, исторические изменения в структуре средневеликорусских говоров, окружавших Москву, и говора самого города Москвы.

Многими историками русского языка (начиная с акад. А. А. Шахматова) высказывалось предположение, что эти изменения народного типа литературного языка состояли главным образом в утрате некоторых фонетических и грамматических (в том числе и синтаксических) черт северновеликорусского наречия и в приобретении черт южновеликорусских (аканье). Однако до сих пор эта гипотеза не является достаточно обоснованной фактами исторической диалектологии и показаниями письменных памятников. Во всяком случае в XVI—XVII вв. нормы русского литературного языка в основных чертах уже вполне определились. В эту же эпоху начинают складываться различия между тремя стилями русского литературного языка. Необходимо отметить также возрастающее, особенно интенсивно с XVI в., взаимодействие между литературным языком и деловой речью, которая оказывает очень сильное влияние на развитие «простого» («низкого») и «среднего» («посредственного») литературных языковых стилей.

IV. Большую роль в разрешении вопроса о диалектной основе общенародного русского языка играет дальнейшее изучение памятников делового языка различных областей Московской Руси, особенно относящихся к периоду XV—XVII вв. Черты живого произношения, отраженные в этих памятниках, должны изучаться с точки зрения отнесения их к тем или иным диалектным группам. Особое внимание должно быть уделено изучению морфологии и лексики памятников, так как им обычно уделялось меньше внимания, а между тем их роль в формировании норм общенародного языка весьма существенна.

Сравнение данных памятников, имеющих различную территориальную локализацию, и сопоставление этих данных с показаниями современных говоров даст необходимый материал для разрешения ряда вопросов. Оно позволит охарактеризовать процессы развития соответствующих диалектных групп и пережитые ими изменения, поможет наметить последовательную смену одних явлений другими в системе литературного языка в период его первоначального становления как общенародного языка нации.

Однако изучение языка памятников письменности, являющееся вообще отсталым участком работы, особенно сильно отстает в отношении поздних памятников деловой письменности XVI—XVII вв. и, в частности, в отношении памятников южновеликорусского происхождения, находящихся в огромном количестве как в центральных, так и в периферийных хранилищах. Хранение этих ценных рукописей порой не отвечает даже элементарным требованиям. В связи с этим остро стоит задача — издать эти памятники в соответствии со всеми филологическими требованиями.

Обзор основных групп источников, необходимых при дальнейшем изучении вопроса о диалектной основе русского общенародного языка, и состояния их разработки не дает основания для пересмотра того положения, что именно средневеликорусские говоры, окружающие Москву, и говор самой Москвы (в широком смысле слова) явились основой русского общенародного языка. Об этом свидетельствует и современная близость этих говоров к устно-разговорной форме русского общенародного языка.

Дальнейшая разработка проблемы должна идти, как было показано выше, и в собственно диалектологическом плане (для выяснения вопроса о том, каков удельный вес отдельных диалектных групп в системе средневеликорусских говоров и общенародного русского языка), и в направлении широкого сравнительного изучения лексических данных основных групп говоров и лексики общенародного языка, и по линии изучения памятников деловой письменности позднего периода. Необходимо также систематически изучать развитие норм как устно-разговорного, так и письменного языка для выяснения его современных связей с основными диалектными группами русского языка.
